

Нет бесконечного счастья.
Нет бесконечного горя.
Даты упрямо мчатся.
Люди друг с другом в ссоре.
Пересчитать на пальцах
Можно ромашки в поле.
Счастье, где же ты, счастье?
Горе... Не надо горя.
Олег Акулов

1

Летом 2002 года огромный серо-коричневый автобус фирмы «Ман» стоял возле бетонного здания немецкого посольства в Москве. Ещё три часа назад дома меня окружали орудия петухи, лающие собаки, свистящие крыльями стрижи, парящая земля с молодыми всходами... В русском Вавилоне зеркальные стекла автобуса отражали серые стены германского «форин-офиса», торговые палатки, замусоренный тротуар, спешащих мимо прохожих, треснутый асфальт мостовой. Сотрудница транспортной фирмы нудно переговаривалась с пассажирами, предлагая им взять в дорогу питьевую воду и подушечки для шеи. В салоне было душно, почти все отъезжающие топтались на воздухе. Большую часть их составляли сумрачные (деньги в кармане) мужчины средних лет – перегонщики немецких машин. Кроме них возле автобуса я увидел несколько пожилых женщин, одну толстушку лет пятидесяти, двух мамочек с лопочущими детьми, дополняли нашу компанию четыре девушки цветущего возраста.

Завелся дизельный двигатель механической громады, включился невидимый кондиционер. После переключки водителя с пассажирами автобус медленно тронулся. Женщины копошились в сумках, перегонщики машин бубнили о своем, рядом со мной села одна из девушек, она представилась Полиной. За проходом, на двух креслах сразу поместилась та самая объемистая дама. Она вытянула в проход отекавшие ноги, разложила на коленях салфетку, развернула фольгу на вареной курице. Вдоль проходов зажглись экраны автобусных телевизоров, набор видеокассет у водителя был предсказуемый. «Восемнадцать часов американских боевиков! Надо было взять не путеводитель, а коньяк и бируши!»

С того 2002 года я больше не ездил в дальние путешествия на автобусе, но тогда недавно рухнул СССР, вместе с ним распалась привычная жизнь, и денег в моем бюджете на самолет не оказалось. Большую часть того, что заработал медициной, истратил на семью, издание книг и альманаха, отложил немного на подарок будущей крестнице. И такой расклад был ещё удачей: при Ельцине провинциальные медики ходили

на работу почти бесплатно, с большой задержкой получая в месяц сумму в рублях, эквивалентную 50 долларам. С остальными источниками дохода было не лучше: писателям в Туле не платили, сельское хозяйство стало убыточным. Врачи спасались частной практикой, подсобным хозяйством, сдавали в аренду свои квартиры, гаражи, дачи. У некоторых врачебных семей в это время образовался устойчивый второй бизнес: кафе, магазин, баня. Учителям пришлось хуже, репетиторство находилось тогда в упадке, многие педагоги уходили из школ, доведенные нищенскими зарплатами до голодных обмороков. Но полная катастрофа настигла семьи инженеров советских НИИ, рабочих обанкроченных заводов, шахтеров, колхозников. От безнадежности люди спивались, вешались, сходили с ума, некоторые молодые женщины вынужденно подрабатывали проституцией. Землю в наших краях при Ельцине почти не пахали, она была покрыта муравейниками и молодым березняком. Среди заросших сорняками полей тут и там высились брошенные остовы фабрик, шахтоуправлений, животноводческих ферм... Всё это надолго стало для многих россиян синонимом демократии.

Когда Ельцин за полгода до выборов 2000 года передал власть приемнику, что-то начало меняться – притихли сепаратисты, лучше стало с зарплатами, вновь открылись дышащие на ладан оборонные предприятия Тулы. Но ватаги крепких парней, держатели «общаков» ещё всюду диктовали стиль жизни в нашем городке, директора здешних предприятий порой действовали похожими методами – «наезжали», «заказывали», «забивали стрелки», «перетирали вопросы» с нужными людьми в ресторанах, где за одним столом сидели криминальные авторитеты, силовики, руководство района. В нашем городке рэкетиры и бандиты убили с десятков местных предпринимателей, двух начинающих ризлторов жилья бросили в шахту, наемный киллер застрелил опера из отдела борьбы с наркотиками. При этом сами «братки» активно утилизировали друг друга в дележе кормовых баз и власти. Селяне в это время лихорадочно приватизировали остатки колхозной собственности, ловкие владельцы баз вторсырья принимали в металлолом оборудование советских заводов, снятые провода электролиний, могильные оградки, остовы теплиц, заборы несчастных дачников. Награбленный металл почти весь уходил за границу, мой знакомый по европейской поездке «металлист» Лашкин, живущий в Бутово, на вырученные деньги поехал с женой в Париж и сделал евроремонт. Оборудование крупного советского завода он распродал по цене ремонта в трехкомнатной квартире.

Все это приводило к мысли, что у России нет будущего. Многие люди бежали из родных мест, особенно после дефолта 1998 года. Провинциалы уезжали в Москву и Питер, столичные жители перебирались в Израиль, Чехию, США, Канаду, Австралию... Мои друзья – Олег и Жанна, – оказались в Германии.

Переезд Олега, честно говоря, стал для меня шоком. Он с юности писал стихи, наполненные любовью к России:

Сроки окончатся. Раны закроются.
Кожей почувствую, что мне завещано.
И да воздастся кормилице сторицей!
Имя знакомое – верное, вещее.
Воду прозрачную трогаю щепотью.
Вот я и счастлив... Иль только мне кажется?
Имя знакомое вымолвлю шепотом –
Русь моя, милая, грустная, спящая...

1986

Однажды, в 1996 году, мы с ним столкнулись на железнодорожном переезде возле больницы, где я работал. Частная практика и эпидемия сифилиса позволили мне поехать в бюджетную поездку по европейским

столицам: бессонные ночи в автобусе, отекающие ноги, путаница в голове от мелькания музеев, площадей, церквей. Перед этим я проштудировал несколько книг по культуре, истории Западной Европы, для начинающего литератора это было необходимо. Олег же сказал, что даже однажды побывавших за границей русских надо ставить на учет, как потенциальных предателей родины. Мол, посмотрели красивую жизнь – все, конечно, таким доверять нельзя! А затем сам уехал сразу и навсегда. Обстоятельства оказались сильнее.

Винить Олега в этом лично мне трудно, городок наш сделал всё, чтобы так получилось. Для выживания в тогдашней России требовался большой запас жизненных сил, умение рисковать и «поступаться принципами». Годы революций, перестроек и перестрелок всегда очень тяжелы, иной раз остаться безупречным в такие времена может лишь герой, большинство из нас героями не были. «Новая историческая родина», как говорил Олег, подходила ему лучше: немцы к концу 1990-х достроили капитал-социализм, российские же власти при Горбачеве и Ельцине решили вовсе отказаться от социализма, кидаясь из крайности в крайность. В результате Германия объединилась и укрупнилась, а СССР распался, ведь всякий большой организм гибнет и распадается.

В советско-российской жизни Олег вначале был горным инженером по технике безопасности, – тогда ещё работали советские шахты, – затем стал журналистом и поэтом. У него рождались такие стихи:

Тяну за собою шлейф
пустых, неуместных слов.
А Русь – будто спящий лев,
забывший во сне свой долг.
Ох, как ты тяжел, наш крест!
Но я утешаюсь тем
что все же Россия окрест.
А все остальное – тлен...

1986

Собственно, мы и познакомились в редакции нашей городской газеты благодаря стихам – он пригласил меня участвовать в литературных сборниках его писательского круга. С Олегом в редакции работала его жена Людмила, поэт влюбился в неё, будучи ещё старшеклассником. Людмила была несколько взбалмошной, но искренней, обаятельной, яркой. Она была чрезвычайно жизнелюбива, Олегу приходилось многое прощать ей – весёлый и добродушный от полноты жизни он в молодости легко прощал.

Наш духовный опыт до начала 2000-х был очень похожим: родились и выросли в одном городе, учились в одной школе, с юности занимались литературой. Олег способствовал моим первым публикациям, затем я каждый год печатал его стихи в тульском альманахе. Их семья треснула в конце 1990-х, когда Людмила получила в наследство квартиру бездетной, умершей в Москве, тетки. Продав столичную однушку, Людмила купила пятикомнатную квартиру в нашем городе, вдобавок подержанный «Фольксваген» и торговую палатку в сельском пригороде. Она упоённо примеряла на себя рекламируемый телевизором образ успешной женщины, бизнес-леди. Олег в это время исполнял обязанности главного редактора районной многотиражки. Он тоже старался держаться на волне времени: как многие тогдашние журналисты согласился участвовать в избирательном штабе действующего губернатора Севрюгина. Но поддержка журналистов, артистов, руководителей районов Севрюгину не помогла – он проиграл. Обманутый демократией народ потянулся к прежним хозяевам страны, на выборах в Тульской области победил бывший председатель колхоза, участник ГКЧП, коммунист-хозяйственник Василий Стародубцев. Воцарившись в «белом доме» Тулы он тут же

принялся увольнять всех, кто поддерживал его противника по выборам. Севрюгин попал в тюрьму, а его помощники потеряли работу. Олег тоже, вместо гонорара и утверждения в должности главного редактора был уволен. Это стало спусковым крючком их семейной катастрофы – Людмила распространила свой бизнес-план и на личную жизнь, они с Олегом расстались. У поэта началась тяжелейшая депрессия, ближе других к нему в это время оказалась Жанна Вернер, которая чуть раньше Олега получила свою порцию горького российского опыта.

Её первый муж, Юра Дубко, считался в нашем городке одним из предпринимателей. Его деятельность заключалась в обычной для того времени торговой палатке: десять кубометров теплого воздуха, окруженного стенами из стекла и оцинкованного железа. Продавали такие палатки жевательную резинку, пиво, дешевый шоколад, сигареты, презервативы. За день реализовывали два десятка шоколадок, дюжину бутылок пива, два-три блока сигарет, ящик водки. Её предлагали вечером и ночью из-под прилавка. Накопив денег, Юра первым делом отправился за иномаркой на Западную Украину. В поезде проиграл деньги в карты, вернулся расстроенный, может ещё и поэтому вёл себя неосторожно, когда обострился старый конфликт за торговое место на удобном пятачке среди пятиэтажек. Вечером у подъезда Юру встретил человек с пистолетом, они не смогли о чём-то договориться, одна из пуль угодила Юре в живот. Почти год он промучился после ранения, похудел, стал похож на красивого мальчика. Несколько операций не помогли, Юра умер в реанимации нашей ЦРБ, в окружении друзей, жены и плачущих родителей. На кладбище в Кочаках появился большой мраморный крест с выгравированным портретом – полудетское лицо Юры, кудряшки волос, даты рождения и смерти.

Жанна пробовала сама вести семейный бизнес, но куда там, она была слишком интеллигентна для этого. Чтобы выжить в 1990-х, нашим предпринимателям требовалось иметь «крышу» или самому «заказывать», «наезжать», «забивать стрелки» с бандитами. Жанне звонили с угрозами, у них ограбили и сожгли гараж – там размещался склад их товара. Дверь гаража вырвали тросом, привязав его к мощному грузовику. В это время Олег и Жанна часто общались, затем семья Жанны – её отец был немцем Поволжья, а мать родилась в Чувашии, – получила разрешение на переезд в Германию. Жанна уехала с отцом и братом, находиться в городке им было тогда опасно, судьба Юры стояла перед глазами.

Жанна часто звонила Олегу из Лейпцига, спустя три месяца прилетела в Россию на выходные, чтобы расписаться с поэтом. Она тут же вернулась в Германию, предоставив Олегу возможность самому выбрать свою судьбу. Я видел, как он сомневается, раздумывая, надо ли ему ехать, все же нехотя избавляясь от вещей семьи Вернер, оттягивая отъезд. Но тут вмешалось провидение. Спустя несколько дней в дверь квартиры Вернер позвонили, Олег дверь открыл, к нему ввалились два бандита в черных масках. Они били, душили поэта, забрали все деньги, которые он выручил от продажи холодильника и мебели. Унесли даже утюг, будильник и старенький телевизор, оставив ненужные им книги. Олег, находясь в шоке, занял денег у родственников и купил билет на автобус в Германию.

Вскоре приехал назад подавленный, – он трудно привыкал к новой для него стране. Весь 1999 год Олег колесил туда-сюда, возвращался из Германии растерянным, помятым. Дома приходил в себя, оживал, начинал улыбаться, рассказывая родным и друзьям впечатления от своей «новой исторической родины». Помню, говорил, что в Германии почти не сажают в тюрьму, вместо этого штрафуют, порой за самые незначительные нарушения. За провоз через границу трех блоков сигарет Олега вначале оштрафовали таможенники, затем почтой пришли квитанции земского и федерального штрафов, общая сумма потерь достигла 750 марок. Однажды его чуть не оштрафовали, когда он попробовал вино-

град в магазине: «Сначала купите, затем пробуйте!» Любое отступление от правил в Германии влекло за собой гигантский, по российским меркам, штраф. И нельзя его не заплатить – дальнейшие санкции могли привести к высылке из страны. В результате русский человек, живущий там, становился испуганно-осторожным, законопослушным, переставая выпивать на людях, громко смеяться, жарить шашлыки на улице, петь до полуночи песни. Даже громко разговаривать по-русски на улице, мне кажется, они там боялись. На душе у Олега было тягостно, судя по его стихам тех лет:

Я вновь убиваю Авеля
По злобе своей и зависти.
Я вновь никакой не праведник.
Я вновь называюсь Каином...
И сколько бы я ни каялся,
Своей не сменить мне сущности.
Я – Каин, первый из Каинов,
Ушедших, живущих, будущих...»
2000

Для сохранения социального пособия в Германии эмигрантам приходилось три месяца в году отрабатывать на птичнике, свиноферме, ремонтируя мостовые, благоустраивая улицы. Откосить за взятку не получалось. «Русских немцев» к началу 2000-х в Германии набралось пять миллионов. Три с половиной миллиона официально и два миллиона – нелегалы. Жизнь в России в 1990-х и начале 2000-х годов была гораздо тяжелее, унижительнее и опаснее. В Германии приезжий немец, русский, казах или еврей отработывал три месяца и потом девять месяцев спокойно «сидел на социале», гуляя по красивому, безопасному городу с тысячелетней историей, развлекаясь в меру сил и возможностей. Одни эмигранты смотрели целыми днями видеокассеты с русскими фильмами, другие писали графоманские романы или слонялись по распродажам. Евреи ходили в синагогу, погружаясь в жизнь «гемайнды». Поступать на работу, отказываясь при этом от пособия, для многих не имело смысла – половину зарплаты в этом случае съедала квартплата, сумма на жизнь оставалась прежней.

Когда Олег возвращался в Россию, многие относились к нему с предубеждением: завидовали, считали предателем, просто не понимали. Олег тосковал, стихи у него рождались не так щедро, как раньше. Бог знает, почему это происходит с поэтами за границей. Исчезает питательная среда русского языка? Нет чувства общности с коренным народом, который тебя окружает? Нет глубинной вовлеченности в происходящее, которое кажется тебе чужим? Свое поэтическое оскудение Олег вполне сознавал:

Опустел Вавилон.
Немота. Отрицание.
Листопад моих слов
В жесткосердном молчании.
Скорбит прах пирамид.
Мироздание рушится.
Листопад моих рифм.
Рассыпается рукопись...

2000

Постепенно связи между родиной и Олегом начали разрываться. Приезжая домой, он показательно сторонился земляков, хотя городок наш сделался безопаснее. Бывшие гангстеры из тех, кто выжил, легализовались, стали владельцами таксопарков, ресторанов, пунктов приема ме-

таллического лома, продуктовых баз... Но поэт наш, приезжая к отцу и брату, опасался ходить по улицам в одиночестве. Думаю, в Германии не скучал он по землякам, тяжелее было перенести отсутствие на чужбине деревенского цветущего луга, церкви на холме, запаха свежескошенной травы, грибов и ягод в лукошке, зияющего русского пространства, наполненного тысячелетней историей, крапивенских и белёвских улочек, заросших травой. Германские стихи Олега навсегда стали грустными:

Истина проста
Выводы горьки –
Спины для креста,
Души для тоски...

2000

Олег теперь почти всегда пишет о Боге, отношения с которым у него сложные и не всегда каноничные, что вполне понятно: когда нет поста, исповеди, причастия, тяжело быть православным.

В бытовом плане Олегу и Жанне в Германии живется хорошо, слава Богу, но поэт всегда больше телесного, ему требуется не одно только домашнее благополучие. Трагизм русских судеб часто проистекает из парадоксальной метафизики России. Об этом говорить долго, но ведь недаром Пушкин и Лермонтов убиты на дуэли, Гумилев и Клюев расстреляны, Маяковский, Есенин, Цветаева покончили с собой, Мандельштам погиб в лагере, Заболоцкий и Смеляков отбыли несколько сроков, Пастернак и Ахматова пережили тяжкие гонения. В новой России у поэтов другие испытания – отсутствие аудитории, унижительная нищета, опошление массового мышления, для которого поэзия становится ненужной тарабарщиной. Согласившись переносить всё это, смог бы Олег иметь более яркую поэтическую судьбу? Без сомнения, но лучший поэт нашего городка выбрал не стихи в опасной России, а спокойную жизнь в Германии. По-человечески его понимаешь, в литературном контексте испытываешь разочарование.

Всё же положение Олега мне казалось (и сейчас так видится, если судьба заставит его вернуться) в литературном плане совсем не безнадежным. Ведь Ходасевич, вскормленный молоком тульской крестьянки, смог же состояться за границей:

Перешагни, перескачи,
Перелети, пере- что хочешь –
Но вырвись: камнем из пращи,
Звездой, сорвавшейся в ночи...
Сам затерял – теперь ищи...
Бог знает что себе бормочешь,
Ища пенсне или ключи.

Но Берлин, Прага, Белград и Париж тогда были другими, Ходасевич мог общаться с Горьким, Бердяевым, Набоковым, Буниным, Цветаевой... Сейчас в Европе нет русских писателей такого уровня, как нет и полноценных журналов с лучшей литературой на русском языке, нет соответствующе настроенной диаспоры. В 2002 году оставалась надежда, что Олег сможет стать центром такой диаспоры хотя бы в Саксонии. Тем более, Олег говорил о своем намерении создать альманах «Пенаты», «пространство русского слова», объединяющее писателей Саксонии, Крыма и Тулы. Мне думалось, что русская литература вовсю зазвучит в Германии благодаря «Пенатам», в творческий процесс втянутся дети эмигрантов... Казалось, всё не так и плохо. Если мы поспешно вывели из Германии свои танки, пусть там останутся хотя бы наши писатели и поэты. Они переждут в Германии очередную русскую смуту, создадут литературу четвертой волны эмиграции, хоть и не уровня Бунина, Цве-

таевой, Набокова и Ходасевича, но высоты Дон-Аминадо, Газданова, Берберовой, Адамовича, Эренбурга, Шкловского. Как думаете, Светлана Алексиевич, Виктор Ерофеев, Владимир Сорокин, Гюзель Яхина, Михаил Шишкин справились с этой задачей?

2

Немецкий автобус два часа тащился в московских пробках, затем все же выбрался на Смоленскую дорогу, набрал скорость. К этому времени перегонщики машин окончательно расслабились. Тот, которого я мог видеть, ежеминутно укладывал голову на плечо симпатичной соседки, рука его при этом оказывалась у женщины на коленях. Красавица отстранялась, раздраженно вскрикивала, но мужчина повторял свой маневр, притворяясь спящим и демонстративно похрапывая. Автобус то и дело тормозил, ускорялся, выпускал солярные дымы, останавливался возле придорожных кафе, заправлялся топливом. На стоянках нас накрывало высоким солнцем, ароматом фиалок с клумбы и запахами рядом стоящего туалета, ароматом из местных трактиров. Чтобы отвлечься от бесконечной дороги, спросил девушку-соседку:

– Вы на сессию, наверное, едете?

– Нет, я сейчас не учусь, – прощелбетала она. – Взяла академический отпуск, потому что родители не могут мне помогать.

– Устроились на работу в Германии?

– Лучше не спрашивайте! – в голосе Полины исчезла мелодичность, и она вдруг перешла на шёпот. – Работа грязная, ужасная, но через год я куплю квартиру в Москве, через два у меня будет семья, ребенок и я забуду эти поездки как страшный сон!

Пораженный, я наконец понял, кем она работает, замолчал, раздумывая, удастся ли ей быть счастливой, вспоминал обстоятельства своего отъезда – меня ведь тоже пытались купить, только несколько в другом смысле.

...Легко получив в германском посольстве разрешение на въезд, я решил, что на этом формальности закончатся. Но Олег сказал по телефону, что надо ещё пройти собеседование с куратором «Русского дома» Лейпцига. Если всё получится хорошо, на поездку выделят грант. Из него мне выплатят гонорар за выступления. Будут оплачены экскурсии, обед в знаменитом ресторане Лейпцига, где главный герой «Фауста» встретился с Мефистофелем. Заинтригованный, я поехал в Москву. Офис куратора находился в Черемушках, – в здании советского НИИ почти рядом с огромной, сверкающей голубоватыми стеклами башней «Газпрома». В одном из офисов НИИ меня встретил приветливый человек лет пятидесяти – профессор Курт Рудольф, – грузный, в мятом пиджаке, с тяжелыми складками на лице, выдающими давнего курильщика. Он прекрасно говорил по-русски, хоть и с небольшим акцентом. Профессор Рудольф сел за увенчанный компьютером офисный стол, развернулся ко мне в крутящемся кресле, начал спрашивать: кто я, давно ли занимаюсь литературой? Отвечая автоматически, я про себя раздумывал: «Кто это? Если профессор, он должен быть в университете? Или в Германии все по-другому? Кому и что он преподает?»

– Что вы хотите добиться своим творчеством? – спросил меня господин Рудольф.

– Никогда не ставлю перед собой земных целей, – говорил я давно выношенное, обдуманное. – Настоящая литература выше земных расчетов, это разговор с Богом, ангелами. Для атеистов можно сформулировать и по-другому... Вы атеист?

– Нам надо, чтобы вы своим творчеством продвигали демократические ценности, – перешел ближе к делу профессор.

– Кому это нам? – разговор принимал неожиданный оборот. – Демократические ценности – сложная вещь. Тут каждый термин можно

обсуждать часами. Если коротко, мне кажется, человеческое общество изначально иерархично и ограниченная демократия возможна, когда у людей в руках оружие. А человеку без оружия, да ещё в России, разве кто даст порулить? Может, только на самом низовом, земском уровне.

Профессор поморщился и сказал более определенно:

– Вы должны понять, Запад заинтересован в сотрудничестве с демократически настроенными людьми России. Кстати, вы не задумывались, почему Восточная Европа живет хуже Европы Западной? Дело в том, что России, Украине, Болгарии, Румынии – этим беднейшим странам Европы, – не повезло с православием! Прогрессивные люди, которых мы поддерживаем, должны бороться с тоталитаризмом и религией!

Кровь прилила к моей голове, но я старался говорить спокойно:

– Вы уполномочены говорить от лица всего Запада? Это, как минимум, оригинально. Вообще, с тоталитаризмом я бороться согласен. С религией – нет. С востоком и западом Европы тоже не всё так просто. Было время, когда именно восточная часть Европы – Византия, – оказалась более развита. Потом её разгромили! И прежде всего крестоносцы в 1204 году, а затем уже сельджуки! Что касается веры... Язык, наша история, культура, вера в Бога – это последнее, за что держится сейчас человек в России. Я не буду разрушать наши последние скрепы!

– Мы не против культуры, языка, – настойчиво продолжал профессор, – мы и вас готовы поддерживать! Но зачем вам, образованным русским, эти попы? Они же вас откровенно дурачат! Сами ездят на дорогих немецких «Мерседесах» и «Ауди», обедают и опиваются, а вам внушают мораль аскетов, которой сами не следуют! Вами же просто манипулируют! Они сплошь сотрудники спецслужб!

– Не надо смешивать рясофорных сотрудников спецслужб и простых монахов, сельских батюшек! – я совсем потерял над собой контроль. – Вы слышали о Сергии Радонежском, Серафиме Саровском, Иоанне Кронштадском, Амвросии Оптинском? Они что, были сотрудниками спецслужб!? Так вот они и есть наше православие! И коммунизм, немецкая придумка Маркса, был чужд русским во многом именно из-за отрицания православия! Коммунистический проект нам навязали силой, поэтому он, тем более методы его воплощения, оказались такими кровавыми! Мы отказались бы от коммунизма раньше, но русские кодексы милосердия, сострадательности, жертвенности, даже усвоенные подсознательно, трансформировали кровавый проект в нечто более человеческое, доброе, совестьное. Поэтому мне жаль погибший СССР! Эти кодексы и сейчас создают в людях русского мира несущий каркас! Благодаря этому стержню мы еще живы! Повезло или не повезло нам с православием, но убери из души русских веру в евангельскую доброту, любовь, справедливость, и Россия рухнет! Вам этого хочется?

– Тогда вам денег не будет, – разочарованно сказал профессор. – Мы не можем разбрасывать деньги направо и налево. Германия не настолько богата.

– Да я и не прошу денег у Германии! – вскричал я. – С чего вы взяли? Всего лишь собирался поехать в гости к своему другу! На свои деньги!

Вдруг профессор передо мной исчез, появился жесткий и хищный человек, который увидел во мне врага:

– Если бы сейчас началась война, как в сорок первом, вы проиграли бы! – пролаял он. – Вам не хватило бы экономических ресурсов Казахстана, Украины, Грузии, Азербайджана! Вам не хватило бы человеческих ресурсов!

– Может быть, – я старался быть объективным. – Но в 1945-м проиграла Германия! Сейчас у нас все плохо, мы оказались абсолютно не готовы к свободе! Она многим свалилась на голову подобно кирпичу сверху! Но и вам радоваться нечего! От христианства вы почти отказались, культура нынешней Германии очень сомнительна и ваших канцле-

ров, насколько я знаю, утверждают за океаном! Вы до сих пор не имеете самостоятельности!

– Американцы нам очень помогли своим планом Маршалла! – удивленно посмотрел на меня профессор. – ГДР под руководством СССР развивалась гораздо медленнее! Недаром все бежали оттуда, прыгая через стену в Берлине с риском для жизни! Американцы и мы вас переиграли уровнем жизни, уровнем свободы!

– Видимо так, – мне пришлось согласиться. – Но вам не обидно, что престарелый американский актер Рейган диктует волю немецкому народу?

– Вы недооцениваете этого актера! – воскликнул профессор. – Рейган лично сделал очень многое для разрушения СССР! Не в вашем положении иронизировать! Это Рейган объявил СССР «империей зла», это он заставил мир поверить в это! Но мы, кажется, затянули наш разговор...

Профессор снова стал корректным и предупредительным. Он меня выпроваживал.

– Россия иногда проигрывала в своей истории, но каждый раз вставала с колен! Как и Германия после своих поражений, – сказал я, направляясь к двери. – В этом отличие сильных наций от слабых. Русские, татары, евреи, украинцы – сильные нации. Пока мы вместе, нас трудно победить. Жаль, что мы не сможем увидеться с вами лет через двадцать!

Я ушел из его офиса взволнованный, раздумывая – надо ли высылать таких людей из России? Решил, что нет, его откровенность похвальна. Теперь хотя бы понимаю их образ мыслей, гораздо опаснее те, кто работает против России тихо. Например, доморощенные предатели. Вот если бы их всех выслать за границу! Проблема в том, что среди нашей молодежи готовых предателей едва ли не четверть! Они ненавидят Россию, приходится как-то с этим жить!

Домой я отправился в полной уверенности, что поездка не состоится. Но через пару дней позвонил Олег, сказал, что наш разговор не понравился профессору, поэтому гонораров и ресторана не будет. Приехать же в частном порядке мне разрешили.

3

Чтобы отвлечься в автобусе от много едящих и говорящих людей, пришлось углубиться в книги о Лейпциге, взятые в районной библиотеке. Читать было неудобно, слишком тряско, спустя пять минут начала болеть голова. Все-таки железная дорога – отличное изобретение человечества. Даже плацкарт позволяет удобнее расположиться с книгой, вытянув ноги, поставив на столик свой кофе. В автобусе от чтения мутило, чуть лучше стало, когда он остановился у пограничного терминала. Четыре часа мы простояли в духоте почти неподвижно, затем нам разрешили выйти на воздух.

Из любопытства, и чтобы размять затекшие ноги, я отправился взглянуть на польскую землю. Автобус наш стоял под ребристым навесом нейтральной полосы – вокруг турникеты, пограничники, вереницы машин, разделенные на три потока. В одном легковые экипажи, в другом грузовые фуры, в третьем пассажирские автобусы разных пород и размеров. Цепочки габаритных огней, шум и зловоние дизельных двигателей, медленное продвижение вперед по десять метров за раз. Деревья, трава, небо, асфальт и собаки за сетчатым забором с обеих сторон границы ничуть не различались. «Почему же люди такие разные? – думалось мне. – Почему два народа, живя рядом, проводят меж собой границу? Наверное, дело в том, что у травы и деревьев нет лидеров и вождей? У людей – вечно князья, курфюрсты, генеральные секретари, фюреры, жрецы разных религий. Им выгодно иметь рядом с собой врага, разделять людей санкциями, границами, таможенными тарифами. «Разделяй и властвуй» – главнейшее правило политики. Со временем разделение становится непреодолимым...»

Медленно крутилось ребристое колесо автобуса, висело в воздухе сізое облако горелой солярки, местная собака залиvisto лаяла на пограничника, мужики-перегонщики радостно поддерживали её: «Молодец! Отлично! Фас!» Мы все в этот момент ненавидели пограничников.

– Вы чувствуете, здесь даже воздух другой, – сказала мне одна из пожилых женщин мечтательно. Наверное, у неё с Польшей и Германией были связаны приятные воспоминания.

Нам велели садиться в автобус. За время ожидания у терминалов мне удалось прочитать о Лейпциге многое. Столица Саксонии, второй по численности город Восточной Германии после Берлина. Когда-то здесь было славянское поселение Липск, позже название трансформировалось в Ляйпциг. В средневековой Европе город был одним из главных торговых центров, третьей столицей Европы в книгопечатанье и музыке. Демократизация в ГДР начиналась с Лейпцига и Берлина. В 1989 году здесь прошли массовые демонстрации немецкой интеллигенции, сыгравшие большую роль в падении ГДР. Хотя, больше всех в этом процессе сделал Горбачев. Но, на объединении Германии Михаил Сергеевич не приобрел для России никаких преференций, а ведь можно было поторговаться. 9 ноября 1989 году Берлинскую стену демонтировали, Горбачев думал, что на этом холодная война Запада и СССР закончится. Поразительная наивность, непростительная для руководителя государства. СССР вскоре уничтожили, а совокупный ущерб, нанесенный экономике и демографии России правлением Горбачева и Ельцина, превысил ущерб от нападения Гитлера. В 2002 году НАТО продолжал приближаться к границам России, приняв в свои члены семь государств Центральной и Восточной Европы, в том числе страны Балтии. Тогда же и ЕС расширился за счет десяти государств Восточной Европы. Россия пожинала плоды своего геополитического поражения.

Лейпциг, поначалу, «за что боролся, на то и напоролся». После объединения Германии местная интеллигенция и квалифицированные рабочие уехали в западную часть страны, город стоял пустым, его экономика рухнула. Но к 2000-му году экономический спад остановили, в Лейпциге расселили тысячи переселенцев из России, Казахстана, Украины, Молдавии... Немецкой крови у многих из них не было вовсе, но Германия остро нуждалась в молодёжи, так как немки после Второй мировой мало рожали.

К полуночи свет в автобусе выключили, многие пассажиры уснули, мне же не давали покоя Петр I, заночевавший в Лейпциге в ходе своей европейской поездки; византийский лев на гербе города; Екатерина II, родившаяся неподалеку в Саксонии; Радищев и мой земляк граф Бобринский, учившийся в Лейпциге одновременно с Гёте².

Отношения Европы и России волновали меня давно. Некоторые русские слова кажутся очень похожими на скверную кальку с англоязычной транскрипции. Много раз спрашивал себя: по отношению к англичанам, итальянцам, французам, немцам, люди России – равноправные соседи или робкие ученики? Петр I разве не был пусть гениальным, но подражателем? Екатерина II смогла бы так укрепить и усилить Россию, будучи не Цербской принцессой, а женщиной с русской кровью? Как совместить наше чудовищное подражательство, даже комплекс неполноценности по отношению к Западу, и легендарное русское мессианство? Нет ли тут, действительно, некоего «эдипова» комплекса? Может, мы подсознательно ревнуем Россию-мать к отцу-Риму? И вся ли Западная Европа Риму наследует? Нет ли комплекса в том, что мы все время стремимся Европу в чем-то превзойти? Много раз россияне побеждали европейские народы в войнах со Швецией, Польшей, Австро-Венгрией, Четвертым Рейхом, но от комплекса неполноценности никак избавиться не можем. При этом европейские страны часто воспринимают Россию как источник дешевого сырья и рынок сбыта своих товаров, игнорируя наши мысли, веру, особенности психологии.

Неврастеник Гитлер вообще считал русских «недочеловеками», жестоко расплатившись за свою ошибку чудовищным поражением. Поняв, что Россию не взять силой, хозяева денег много раз пытались завоевать нас с помощью идей: либерализм, марксизм, монетаризм. Ведь интеллигенция России всегда увлекалась западными идеями, но в ответ рождалась и защитная философия славянофильства, евразийства, почвенничества.

Конечно, не все в Европе относились к России отрицательно. Шпенглер в знаменитой книге «Закат Европы» называл Россию «молодым морфологическим типом Европы», за которым будущее. Он противопоставлял цивилизацию России «фаустовской цивилизации» старой Европы. Затем эту мысль развивали в своих книгах Сикорский и Бердяев, русские евразийцы, считавшие Россию «географической осью истории», центральной силой сухопутных народов Евразии, с которыми ведут войну «народы моря» – венецианцы, англосаксы, наследующие им американцы.

Мне же всегда хотелось думать, что Россия и Европа – извечные братья, которые часто ссорятся, переполняемые силой и уязвленные своим отличием друг от друга. Мы столетиями пытаемся переделать друг друга на свой лад, но это невозможно – у нас разный состав крови, религиозные кодексы разные. Отгородиться «железным занавесом» надолго тоже не получается, мы слишком нужны друг другу.

Вот эти мысли не давали мне покоя всю ночь.

В четыре часа утра Олег встречал меня на центральной площади Лейпцига. Едва рассвело, городскую тишину нарушали щебечущие птицы и несколько дворников, метущих улицы. Мы с Олегом дружески обнялись и он увлек меня за собой. Не обращая внимания на грохот пластиковых колес моей объёмистой сумки, шагая по булыжной мостовой Лейпцига, Олег рассказывал о старой и новой ратуше, рыночной площади, Гевандхаусе, о церкви Святого Фомы. Меня же больше интересовали человеческие отношения. Почему, несмотря на чудовищное поражение в страшной войне, немцы сейчас живут, порой, лучше победителей? Почему внуки победителей иногда бегут в Германию?

Немецкая дисциплинированность, законопослушность, ответственность, точность в мелочах – это понятно. Бытовая культура, чистоплотность. В моем городке люди, порой, бросают отходы прямо на улице, рядом с мусорными баками, превращая свою жизнь в существование на помойке. Пробовал убирать все это – ничего сделать нельзя, поколениями привыкли оставлять отходы в ближайших кустах. Раньше, наверное, это было не так отвратительно – без пластика, пенопласта, картона, жестяных и стеклянных банок. В Германии же штрафуют за брошенный мусор, не выкошенную траву, не подрезанные кусты, не отремонтированный фасад. Очень понравилось, что магазинчики в центре Лейпцига напоминают галереи искусств. Кое-где сохранились даже фехтверковы³ дома, их берегут, виноградные лозы уютно вьются по стенам пятиэтажных домиков, достигая черепичной крыши. А Россия, думалось мне в тот день, все время что-то в себе ломает и перестраивает. Мы часто не можем договориться сами с собой, в каждом встречном готовы увидеть врага, чтобы тут же унижить, оскорбить его. В Германии меня поразило разлитое в воздухе ощущение тёплого молока, чувство уважения к твоей человеческой сущности.

Олег и Жанна поселились в характерном для послевоенного Лейпцига трехэтажном доме на узенькой улочке, вымощенной камнями. Мы поднялись по блестящей мраморной лестнице к филенчатой двери (у нас наоборот – убогие подъезды и роскошные двери квартир, напоминающие стальные укрепления бункера). Олег предложил оставить обувь на лестничной площадке.

– А если уведут? – спросил я.

– Ты не в России, – усмехнулся Олег. – Рядом живет музыкантша из Китая, напротив какой-то немецкий клерк, им твои ботинки не нужны. Тут вообще почти не воруют.

Раздумывая, почему же не воруют, я вошел в квартиру, где меня встретила Жанна – азиатские скулы, мальчишески короткая стрижка, европейская оправа очков, девичья стройность даже после недавних родов. Моя будущая крестница Вера спала в детской кроватке, поэтому говорили мы шепотом.

Квартира у Олега и Жанны была замечательной – три комнаты, огромный телевизор и музыкальный центр, мебель в светлых тонах, балкон с грильницей. Самое интересное – квартиру предоставили моим друзьям бесплатно. «Потому и бегут сюда люди, – начинал я что-то понимать, – что в России зарплаты тяжко работающих меньше германского пособия по безработице! В Германии каждому приезжающему «по квоте» бесплатно предоставляют квартиру и дают пособие, достаточное для того, чтобы человек не нуждался и не воровал. Деньги на переезд из одной квартиры в другую, на ребенка, на содержание собаки, даже на алкоголь, если у тебя есть справка от нарколога! При этом у Германии почти нет своих нефти, газа, леса, металлов, а в России все это есть, почему же так разнится жизнь не в нашу пользу?!» Ответ был очевиден, мне хотелось плакать от обиды за нашу родину.

После ванны («не трать много воды, она очень дорогая, особенно горячая»), мне удалось ненадолго уснуть. Днем Олега дома не оказалось, я решил прогуляться. Немцы в подъезде со мной здоровались первыми! Меня это приятно удивило, в ответ я тоже старался быть предупредительным: «Гутен морген!» «Гутен таг!» «Битте!» «Ауффидерзейн!»

На улице меня встретило солнце, запах черемши и цветущего жасмина в парке, этот парк начинался в пятидесяти метрах от дома. Казалось, воздух здесь содержит что-то запрещенное, но меня все почему-то радовало и волновало. Сейчас понимаю – просто мы с Олегом и Жанной, в силу молодости, пребывали в неведении, ожидая прекрасное будущее. Откуда нам было знать, что впереди не слияние Европы и России в единую цивилизацию, не благоденствие посткоммунизма и посткапитализма. Впереди новый железный занавес, война с Украиной, мировой проект по сокращению населения с названием «пандемия коронавируса». Гибридная мировая война, цифровое порабощение. Большие города, превращенные в «дисциплинарные санатории»⁴, сокращение уровня жизни, запрет на перемещения, qr-коды, маски, перчатки, самоизоляция. Дачникам в России даже запретят разводить кур и кроликов на своих участках, чтобы эти дачники не превратились в хозяев своей жизни. Никакой экономической самостоятельности, все должны получать свою пайку от МВФ и комендантов «дисциплинарного санатория». Несогласных, конечно, расстреливать не станут, им просто разрушат бизнес, заблокируют их электронные карточки и смартфоны, не пустят в поезд или магазин без qr-кода.

Надеялись мы в 2002-м совсем на другое, я радостно трусил по гаревой дорожке, на которой после дождя не задерживалась небесная вода с Балтики. С шелестом прокатывали мимо на велосипедах немцы, тут и там на газонах стояли ящички для собачьего гуано – все выгуливающие живность имели при себе специальную лопаточку. Посетители парка любовались тщательно восстановленными после бомбежек союзной авиацией домиками начала XX века, я же думал о славянских корнях города. После того, как славянский Липск в X веке был завоеван франками, видимо именно франки придали особый дух городкам Саксонии. Недаром Лейпциг часто называли маленьким Парижем. К специфике торговых городов – богатство, многонациональность, свобода нравов, – здесь добавились славянская широта (ДНК-генеалогия подтвердила, в Саксонии очень высок процент славянской R1a), франкская любовь к искусству, немецкая основательность. В Лейпциге столетиями скреци-

вались торговые пути между Парижем, Франкфуртом, Краковом, Штеттинским, Нюрнбергом и Римом. Германия долго жила в феодальной раздробленности, крупные города существовали почти автономно. Вот эта относительная свобода, по сравнению с городской культурой Азии, России, университеты, плюс католичество и протестантство сформировали атмосферу средневековой Европы. Музыка и литература любят свободу и образованность, недаром кантором лейпцигской церкви св. Фомы был Иоганн Себастьян Бах, здесь родился Вагнер, долго жили Шуман и Мендельсон, в грандиозном Гевандхаусе и сейчас проходят удивительные концерты старейшего оркестра Германии. В Лейпциге одна из лучших в Европе балетных трупп, великолепный оперный хор, но главное для писателя – тут веками работала грандиозная книжная ярмарка. С XII века Лейпциг – один из центров книгопечатания в мире.

Город явно мне импонировал. Нравилась даже относительная бедность Лейпцига, по сравнению с Мюнхеном, Гамбургом, Кёльном, Штутгартен. Художник лейпцигской школы Нео Раух примечательно сказал о родном городе: «...никуда не уеду, потому что более депрессивной дыры во всем мире не сыщешь...» Такая «депрессивная дыра» – совсем неплохо для художника, есть время подумать об искусстве. Лейпциг в Саксонии – что-то вроде Питера в Советской России, одна из культурных столиц, интеллигентный город с большой историей, едва ли не самый русский из региональных центров Германии.

«Только не обольщайся, – одергивал я себя мысленно, – во время войны здесь работало отделение лагеря Бухенвальд. И не зря Шпенглер говорил о «фаустовской цивилизации». Сделать национальным литературным героем доктора Фауста, колдуна и мага, это додуматься надо!» Да что там Фауст, много лет в Лейпциге проходят ежегодные съёты «готов»⁵. Десятки тысяч молодых немцев примеряют здесь черные крылья, рога и клыки, гримируются в покойников. Для них тут выпускают партии черной одежды с металлическими заклепками, рога, обувь, похожую на копыта, духи с трупным запахом. Тяга к смерти всегда присутствовала в культуре северных народов Европы, в Лейпциге она сейчас предельно эстетизирована. Смерть, ад, процессы распада заворачивают «готов» своей темной красотой, их движение соединилось с рафинированным сатанизмом и культом смерти. Они собираются в церквях на похоронные мессы, проводят «балы вампиров», оккупируют на время местные кладбища. В России копыта, рога и черные крылья им сразу бы оторвали, но Россия «гомофобная, нетолерантная, дикая», другое дело вышколенная, закатанная в асфальт предельной терпимости, утонченная Европа. Но культура Европы полторы тысячи лет была христианской, германцы столетиями были одним из ударных кулаков крестовых походов, их Барбаросса погиб во время Третьего крестового! Невозможно безнаказанно разорвать связь с прошлым. Когда тебя перестают поддерживать твои мёртвые – земля уходит из-под ног. Так уже было в древнем Египте, Ассирии, поздней Римской империи, Мексике, Византии, перед распадом Российской империи. Современная Россия тоже чуть не угодила в этот хоровод смерти, в стальную капкан разорванной преемственности. Отрыв от православных, мусульманских, дворянских, иудейских и многих других корней – одна из главных причин падения СССР.

Поглядывая на скачущих по деревьям парка рыжих белок, я думал о «готах», Гёте и «Фаусте», находя здесь странные параллели. Шестнадцатилетним юношей я начинал знакомство с классической литературой Европы именно со «Страданий юного Вертера» и «Фауста» Гёте, с «Лотты в Веймаре» Томаса Манна. Не скажу, что многое понял сразу, но почему-то выбрал сочинения именно этих писателей. «Лотта в Веймаре» завораживала безупречным стилем, изящностью мыслей, широтой взгляда на историю. Семнадцатилетним я много думал о Гёте, анализировал его след в мировой культуре, читал Эккермана⁶. Постепенно дух западной литературы вошел в мою кровь идеями рационализма, духом

эллинистической и римской философии. Христианскую церковь, которая имела в Европе когда-то большой вес, я воспринимал как что-то устаревшее. «Синица в руках» научного понимания мира виделись мне ближе космогонического «журавля в небе». Гораздо позже стало понятно – мир намного сложнее «научного» видения, любая наука ограничена человеческими возможностями понимания, исследования. Рационализм и материализм, поднятые на щит обществом в противовес церковному фанатизму, привели к побочным эффектам: национал-социализму и коммунизму, двум страшным общественным химерам XX века.

Теперь европейские страны болеют от излишней терпимости. Я не против этого, пропаганда терпимости есть даже у Аристотеля, Платона и Сократа. Призывы к терпимости обильны в христианстве (Августин и Василий Великий), в атеистической традиции (Эразм Роттердамский, Локк, Вольтер, Монтень), в экзистенциальной концепции Кьеркегора, в «необходимости сострадания» у Руссо, в рассуждениях о «моральном долге» Канта. В «балансе воли» у Шопенгауэра, «идее всеобщего равновесия» у Спенсера, «феномене молчания» у Карлейля. В «искусственно отысканной середине» Киреевского и Данилевского, в «допущении чужой свободы» у В. Соловьёва, в «непротивлении злу насильем» Льва Толстого. Покладистость, гостеприимство, стремление понять и принять – вещи хорошие, но среди культурных, интеллигентных людей! Когда рядом с вами дикарь, варвар, терпимость ваша им воспринимается как слабость. Недаром есть философы, которые излишнюю толерантность низводят, находя в ней «рафинированный расизм» (Жижек), «репрессивную толерантность» (Маркузе), «неподлинное существование усредненного человека» (Хайдеггер). На мой взгляд, толерантность сейчас в Европе фетишизируют. В результате Европа проигрывает битву за демографию, за души людей. Но поговорить об этом с немцем сейчас вряд ли удастся. После Гитлера разгромленной Германии долго не разрешали иметь самостоятельную философию и литературу. Ведь фюрера, если вдуматься, вскормила вся предыдущая немецкая литература, религия и философия. Точно так же как русскую революцию пестовала наша дореволюционная литература. Мартин Лютер не только перевел Библию на немецкий язык и вырвал Германию из-под власти римского католицизма, противопоставив тевтонский север югу Европы. Он был одним из первых немецких теоретиков антисемитизма. Лютер призывал изгнать иудеев из Германии и разрушать синагоги.

Коммунистическая теория тоже не случайно связана с Германией. У Маркса были предшественники. Ещё в 1534-1535 годах в городе Мюнстере анабаптисты создали теократическую Мюнстерскую коммуну, которая просуществовала 14 месяцев: они отменили долги и деньги, ввели уравнильное распределение, многоженство. Это казалось им рациональным. А немецкие романтики – Новалис, Гофман, фон Клейст, – одни из первых вдохновителей Гитлера, воспевали крутых и сильных северных парней, «белокурых бестий». Клейст, например, в своей драме «Робер Гискар» беззащитно превозносит германского воина-завоевателя. Сейчас Клейста называли бы «готом», он в ноябре 1811 года застрелил свою подругу Маргариту Фогель и застрелился сам.

Идеи немецких романтиков легли на благодатную почву. Германские солдаты и офицеры Первой мировой были сильно разочарованы результатами войны. Слово вышедший из «садо-мазо» салонов, одетый в кожу германский нацизм был продолжением немецкого романтизма. В противовес немецкой буржуазности, которая проиграла Германию в Первую мировую, явились стальные батальоны затянутых в кожу эссовцев. А во главе их – «мессия», «военный гений», неудачливый философ и художник, говорящий о «естественном миропорядке», о «преимущество северной расы над южными и восточными расами». За убеждениями Гитлера стояли не только романтики, ещё и Гегель, Шеллинг, Дарвин, Шопенгауэр, Ницше, Фрейд... В германском национал-социализме име-

лась и псевдохристианская составляющая в лице Дитриха Эккарта. Верующим был Йозеф Геббельс, который перенес свои апокалиптические ожидания на Третий Рейх. Понемногу СС превращалось в оккультный орден, недаром германское «общество Туле» занималось розысками святого Грааля, организовывало «Аненербе», где были сильные восточные веяния, привнесенные Лагардом и Хаусхофером, присутствовал и суфизм Зеботтендорфа.

Любая массовая идеология имеет множество корней и предпосылок. Коммунистический переворот в России тоже был, в некотором смысле, актом романтизма. Способ мышления Троцкого, Ленина, Свердлова, Лациса известен – классовая предвзятость, революция в качестве фетиша, большие проблемы с логикой. Свердлов с юных лет увлекался каббалой и черной магией. Бухарин в юности считал себя антихристом, глумился над Святым Причастием. Многие лидеры советских коммунистов имели чрезвычайные способности, но половинчатое образование. Им не хватало понимания духовных законов миропорядка. Владимир Ильич Ульянов, после исключения из Казанского университета год прожил в селе Кукушкино Казанской губернии у тёти, учился в Кукушкино урывками, экзамены сдал экстерном. После поездки в Европу, где самостоятельно изучал философию, Ульянов стал писать для рабочей газеты: «...Мы должны бороться с религией. Это – азбука всякого материализма и, следовательно, марксизма. Надо уметь бороться с религией, а для этого надо материалистически объяснить источник веры и религии у масс...» Он пытался «объяснять материалистически» то, чего вовсе не понимал. Материалисты Белинский, Чернышевский, Горький, Андреев, Брюсов, Маяковский были кумирами российской интеллигенции, они тоже несут свою долю ответственности за обрушение России, разгром православия в СССР, снос культуры... Горький, как и Ленин, мечтая о светлом будущем для простого народа, думал, что при новом строе все заживут счастливо, любя друг друга без заповедей Христа, по указке коммунистического правительства. До сих пор приходишь в оторопь, представляя грандиозный замысел революции. Но её творцов подвели горделивость мысли, неуважение к прошлому и домашнее образование. Вульгарность некоторых воззрений революционеров потрясающая, нарушения законов логики в их учении вопиющие. В результате замысел революции и способы его воплощения пришли в страшное противоречие.

На горы бессмысленных трупов Первой мировой молодые немцы ответили поддержкой Гитлера, стремительным захватом Европы, броском на Восток. Зачем было так показательно, как это сделали Англия и Франция, унижать Германию Версальским договором? Сильные нации вообще нельзя унижать! Третий Рейх был, по сути, агрессивным ответом немцев на поражение в Первой мировой! Они ждали нового вождя как Мессию, но им достался Гитлер. Он был харизматичен и поверхностен, принимал глобальные решения «космического масштаба и космической же глупости», совсем не принимая в расчет духовную составляющую своих поступков. Чудовищное уничтожение евреев и славян, опрометчивое движение на Восток. После таких решений дни его были сочтены. Приехал бы он сначала в русские степи, посмотрел на эти пространства, способные поглотить любую армию мира...

А литературу, кстати, в большинстве германских школ сейчас вообще не изучают. Когда мне сказали об этом, я был в замешательстве. Позже решил, что удивляться нечему. Серьезная литература, как и религия, формирует духовную самоидентификацию людей, такие вещи не приветствуются в современном мире. Молодежь в западных обществах воспитывают как гедонистов, потребителей, «новых кочевников», делая исключение лишь для выпускников школ спецслужб и некоторых университетов. Литературу себе может позволить сейчас только весьма самодостаточный человек и такое же общество. А Германия до сих пор находится под внешним управлением. Да и Россия, отчасти, тоже.

Немцам, быть может, скоро запретят вспоминать, что их соотечественником был Иоганн Гуттенберг, первым в 1445 году напечатавший в Майнце Библию, что именно после Библии Гуттенберга в Европе начался отсчет нового времени. Но в лучших немецких университетах литературу все-таки изучают. У Германии совсем недавно были писатели уровня Тимма, Шлинка, Грасса, появятся ли такие в новых поколениях немцев? И появятся ли писатели уровня Распутина, Шукшина, Белова среди молодых русских?

...Вечером, оставив малышку Веру под присмотром её деда, мы с Олегом и Жанной отправились дегустировать немецкую кухню в лейпцигское кафе «Морицбастай»⁸. Выщербленные стены средневекового бастиона, сделанные из грубого кирпича, тут специально не штукатурят, главный зал находится в пороховом погребе с мощными перекрытиями. Мне это показалось замечательным, иначе эти древние стены давно размололи бы на строительный щебень, как это сделали наши строители с королевским замком в Кёнигсберге, англичане со столицей Бенина Иль-Ибину, американцы с развалинами Вавилона. На улицах Вавилона разбили военную базу, гусеницы танков проделали выбоины на тысячелетних улицах, сохранившиеся рельефы шумерских дворцов солдаты растаскивали на сувениры...

4

Утром нас ждала университетская библиотека Лейпцига. Точнее – сообщество выходцев из России при университетской библиотеке. Лейпциг – всё ещё библиотечный город. В 1912-м именно здесь, на «Дойче платц», организовали Германскую национальную библиотеку. В 1946 году, после разделения Германии, филиал этой огромной библиотеки открылся во Франкфурте-на-Майне (первоначально в «курительной комнате бывшей библиотеки Ротшильда», который тоже был книгочеем). Но выбор книг «у Ротшильда», конечно, поменьше, чем в Лейпциге. Здешнее собрание включает в себя ноты лучших композиторов Германии, «Библиотеку Холокоста», которую сюда перевели из Базеля в 1992 году, и многие частные собрания.

Словом, я оказался в отделанной деревом университетской аудитории, устроенной в виде амфитеатра. Олег представил меня светловолосой женщине лет пятидесяти – у неё был очень умный и пронизательный взгляд.

– Елена Рудольф, – представил её Олег, – это она курировала твой приезд.

– Спасибо за приглашение, – пожал я Елене руку.

Постепенно собрались люди, рассаживались на университетские скамьи, переговаривались. Разложив на столе книги, я смотрел, как яркое солнце бьет в окна, и раздумывал, о чем говорить? Передо мной были эмигранты четвертой волны, большую часть их составляли евреи. К евреям у меня нет предубеждения, мне нравится бывать в Израиле, очень люблю Иерусалим. Знаю, некоторые из евреев относятся к христианству отрицательно, при этом есть европейские философы, которые говорят о единой «иудеохристианской» цивилизации. Кроме того, у меня личные обстоятельства: для меня главным учителем стал еврей по матери, казак по отцу Лев Аннинский. Он был добр ко мне, такие вещи не забываются. Интеллигентные российские евреи – большей частью достойные, культурные люди. Они любят литературу, хорошо в ней разбираются, всегда готовы поддержать писателя.

Но что я мог сказать русскому еврею, сбжавшему от очередной нашей смуты в Германию? «Главное – не врать», – подумалось мне, когда Елена велела начинать встречу.

– Рад приветствовать вас, мои соотечественники, в Лейпциге! Мы с вами оказались здесь в разное время и разными дорогами, но причина

перемещения, для меня временного, если вдуматься, одна. Огромная сильная страна, со второй по мощности армией мира, сорок лет контролирующая треть планеты – самораспустилась, рухнула. О причинах этого можно говорить долго, я буду краток. Мне кажется, нельзя свети катастрофу СССР только к атакам извне, хотя такие атаки были. Главную роль в этом процессе сыграли народы и элиты России. Люди устали от СССР, перестали замечать его положительные качества и сосредоточились на отрицательных. Запад переиграл СССР не вооружениями – свободой мнений, демократией, частной собственностью. Идея частной собственности оказалась сильнее идеи коммунизма. Но проблема не в этом. Перестройку провели катастрофически плохо. В очередной раз подтвердились слова Бисмарка: «Революцию планируют идеалисты, делают фанатики, а плодами пользуются негодяи». Оказалось, внезапная свобода в неподготовленном обществе оборачивается бедствиями. За время правления Ельцина население России уменьшилось на 10 миллионов человек, количество детей – на пять миллионов. Четыре миллиона россиян эмигрировало из страны. В шестьдесят раз выросла заболеваемость СПИДом, уровень наркомании повысился в десятки раз, по уровню жизни Россия переместилась в мире с двадцать пятого на шестьдесят восьмое место, пропустив вперед некоторые африканские страны. Бюджет страны сократился в тринадцать раз. В несколько раз упало производство сельхозпродукции, наша земля наполовину стоит не распаханной. Лёгкая промышленность сократилась на девяносто процентов. Российская «демократия», как ни странно, обернулась расстрелом парламента. В России в десятки раз увеличилось количество преступных группировок. Ими контролируется сейчас половина экономики страны. Короче, Россия потерпела страшное, небывалое поражение. Сейчас нужно кому-то дернуть стоп-кран несущегося в пропасть российского поезда. Сможет ли это сделать новая власть – непонятно. Пока ситуация катастрофическая. Полномасштабная война в Чечне, внешний и внутренний долг в шестьдесят миллиардов долларов, трехкратное падение курса рубля. По сути, основные рычаги управления экономикой России переданы в руки олигархов и коррумпированной верхушки госаппарата. Многие из перечисленного вы видели сами...

– Почему вы приехали? Не хотите остаться? – спрашивали меня женщины-эмигрантки, когда началось время вопросов и ответов.

– В Германии сейчас живет 5 миллионов человек, родившихся в СССР. Вы – часть русского мира, который сейчас стремительно сокращается. Останутся ли ваши дети частью русского мира – очень большой вопрос. Скорее всего, ваши дети будут принадлежать уже другой цивилизации, а я всё не могу с этим смириться.

– А может, этому не надо противиться? – спрашивали меня. – Может быть, Россия должна исчезнуть после всех ошибок СССР?

– Я не считаю СССР неудачным экспериментом. Если бы не СССР, Европа в 1950-1960-х жила под Гитлером. Он был готов к созданию ядерного оружия, американцы нанесли бы удар ядерными бомбами не по Хиросиме и Нагасаки, а по городам Европы. Ядерный проект СССР исключил возможность новой мировой войны, да ещё западные страны вынуждены были семьдесят лет улучшать жизнь своего рабочего и среднего класса, чтобы не проиграть СССР идеологически. Теперь, когда СССР нет, многое пойдет по-другому. Думаю, вскоре средний уровень жизни в США, во многих странах Европы начнет падать. Россию ждут тяжелые времена, но и в Европе эра благоденствия скоро закончится. Она уже не нужна мировой элите в качестве витрины западного мира.

В окна било яркое солнце, и мне хотелось на улицу, я чувствовал, что говоря о горестях России, вызываю симпатию аудитории, но едва отхожу от темы – слушатели теряют ко мне интерес. Описанием российских неурядиц я оправдывал их отъезд. Наверное, любой эмигрант терзается

сомнениями – правильно ли сделал, что уехал? Когда я говорил, что толпы русских и украинских девочек занимаются проституцией, заражаясь СПИДом, что нам пять лет в России почти не давали зарплату, обрекая сотни тысяч людей на голодное существование, некоторые эмигранты плакали, а сидящая на первой парте Лена Рудольф шептала мне: «Полегче, полегче!». Мне было непонятно, почему она так себя ведёт. Разве Курт Рудольф не борется с русским православием? Разве слова о катастрофе в России не являются правдой?

Когда закончил выступление, зал аплодировал, я же чувствовал опустошение и злость на себя. Решил, что на выступлении в Дрездене буду говорить о русской литературе, о русском сопротивлении процессам распада, стану твердить, что Россия жива... Пока же зал аплодировал, некоторые слушатели окружили меня. Кто-то приглашал на экскурсию по городу, кто-то предложил посетить синагогу. У меня кружилась голова от усталости, я записывал в тетради время назначенных встреч. Когда слушатели поредели, Елена Рудольф предложила:

– Давайте пройдемся?

И вместе с Олегом отправились мы в город. Солнце уже садилось, мы шли по вечернему Лейпцигу, я расспрашивал Лену о её жизни. Некоторые вещи она говорила так, чтобы Олег её не слышал. Он был очень весел в тот день, резвился, фотографировался с памятниками, радовался, что мой вечер удался, до сих пор я благодарен ему за эту радость.

Елена вышла замуж за «профессора» Рудольфа двадцать лет назад, он сильно повлиял на её мировоззрение. Она свято верила в бесспорный примат западной культуры, вместе с мужем Елена много делала для обрушения СССР. Но когда это случилось и советские люди стали умирать, Елена подумала, что перестаралась. У нее вдруг начались проблемы со здоровьем, после сорока лет полного благополучия обнаружилась опухоль. Пришлось согласиться на операцию, затем было несколько химиотерапий. У Елены только что отросли волосы...

– Понятно, – сказал я. – Это вы продавили мой приезд, ваш муж не хотел?

Елена грустно кивнула.

– Сейчас я на многие вещи смотрю по-другому, – тихо сказала она, глядя в сторону. – Не хочу дальнейшего ослабления России. Мне кажется, что моя болезнь – это расплата. Будьте осторожнее, за предательство всегда приходится платить.

– Вы думаете, у России есть будущее? – мне было интересно её мнение.

– Какое-то будущее есть. Боюсь, вот только у меня его нет.

Мы странным образом оказались возле витрины магазина, где на фоне черного бархата стояли красиво подсвеченные вазы, горшочки, кувшины охряного цвета и с узкими горлышками.

– Что это? – спросил я.

– Сосуды для пепла после кремирования, – хмуро сказала Елена.

– Ты какой себе выбрала бы? – смеясь, спросил Олег, который в этот момент оказался рядом с нами.

Лена вздрогнула, посмотрела на меня пронзительно. Олег так и не понял жестокости сказанного.

– Спасибо, что настояли на моем приезде, – сказал я. – Мне полезно увидеть Германию. Когда-нибудь я напишу об этом.

– Не ругайте нашу родину в Дрездене, – усмехнулась Елена. – А то вам дадут грант. Вы же не хотите этого?

– Деньги бы не помешали, – ответил я. – Но торговать своей позицией не собираюсь. Сегодня говорил так потому, что хотелось получше узнать психологию русского эмигранта.

– Вам заказали это исследование? – грустно спросила Елена.

– Нет, я свободный художник, очень ценю независимость. Как только появляется ангажированность, литература исчезает.

Я подарил ей букеты, врученные мне на встрече с читателями, оставив один для Жанны. Обнял Елену на прощание. Больше мы никогда не виделись.

Прошло двадцать лет. Елена умерла вскоре после нашего разговора, я часто вспоминаю её. Людмила, первая жена Олега, тоже погибла – люди внезапно и быстро смертны. По одной версии, Людмилу забил до смерти третий по счету её муж. Другая версия – она умерла от какого-то вируса. Прежде «короны» ведь были и другие, тоже синтетические (птичий и свиной грипп, атипичная пневмония), просто не удавалось организовать пандемию. Безнадзорный сын Людмилы три года провел в спецучилище. Я пробовал позвонить ему – он ошетинился и отказался от моей жалости. С отцом он тоже не общается, готов мстить людям за неудачное начало своей жизни.

Теперь Олег и Жанна живут в Штутгарте, работают в большой строительной компании. Олег рисует в компьютере объёмные проекты зданий, мостов, тоннелей. Вера – добрая девочка, хорошо окончила школу, учится в институте.

Олег первое время часто приезжал в Россию, но потом перестал появляться. В любимый им Крым Олег тоже перестал ездить. Он с Жанной и Верой путешествует по Европе, летает в Испанию, Турцию, Египет. Мы давно не говорили откровенно, на письма он отвечает редко, о его настроениях я сужу по сетевым фиксациям его выступлений. В культурном центре тогда ещё украинского Симферополя, в 2013 году он говорил: *«Родина всегда во мне, а я – в ней... Моя Родина – это СССР. И весь я – где-то там, в прошлом... И я эту Родину всегда чувствую... И, как мы говорим, наша родина – это наша семья. Дома мы говорим только по-русски. Моя дочь считает себя русской... Родина – это не какой-то кусочек территории, ограниченный границами... Это всё, что вложили наши предки в эту землю, в этот воздух. Это то, чем они жили, болели, за что они боролись, воевали, что они защищали... Я каждый день сравниваю тот западный образ жизни, который навязывают России и преподносят как эталон. Если взять конкретно Германию, то это просто порядок, организованный образ жизни, культуры там нет... Дочка закончила в этом году пятый класс – такого предмета, как литература, у них нет. За всё время учёбы они выучили два стихотворенья, и далеко не классиков. Это нормальное общество потребления, которое главными своими ценностями считает достаток в доме... Прожив тринадцать лет в Германии, я до сих пор плохо говорю по-немецки... я так и не проник в этот язык. Где-то подсознательно боюсь погружаться в глубины чужого языка. А русский язык для меня настолько богат, красив, что душа замирает... Быть русским – это счастливый крест, но в то же время это как идти на Голгофу с этим крестом. Русских не любят нигде: они всегда всем как кость в горле. Как кость в горле наша непокорность подчиняться этим общемировым ценностям, общемировым порядкам, наше огромное протестанство, которое мы почему-то должны делить со всем миром...»*

Сейчас, оглядываясь назад, я думаю, как много мы упустили возможностей сопротивляться тому, что происходит, растеряв большую часть своих свобод. В том самом 2002 году на свет появился первый клонированный человек (девочка Ева), правительство Британии рассекретило материалы «Рендльшемского дела» о случае контакта офицеров ВВС с НАО в декабре 1980. Готовилось рождение генно-модифицированного человека, вживление чипов в мозг, создание животных с человеческими генами, других биологических химер и новых синтетических вирусов, для массового убийства людей. Мы отмолчались и теперь ходим в масках, сидим в самоизоляции, не знаем будущего и продолжаем уничтожать свое прошлое. Талибами разрушены огромные статуи Будды в афганской долине Бамиан. Боевики свалили Триумфальную арку в

Пальмире, взорвали античный храм. В феврале 2015 исламские боевики кувалдами разрушили коллекцию ассирийских статуй и скульптур на севере Ирака в Мосуле. Они же бульдозерами обратили в руины древний город Нимруд, некогда столицу Ассирии... Да и многие памятники великого СССР тоже превращены в развалины.

Стремительно растут кладбища в нашем городке и во всем мире, погружены в гражданскую бойню Судан, Афганистан, Сомали, Йемен, Ирак, Ливия, Сирия, Эфиопия... Люди кричат и рыдают, бросаются на могилы близких, умерших от пуль и ковида. Готы Лейпцига в черной коже, пахнущие распадом, иногда кажутся самыми адекватными в этом мире. Идет война, но жизнь продолжается, рождаются дети. Какой мир мы им оставим?

2002, *Лейпциг. 2021, Ясная Поляна*

Примечания:

1. Ходасевич Владислав Фелицианович (1886-1939) – русский поэт и переводчик, критик, историк литературы. Учился на юридическом и историко-филологическом факультетах Московского университета, ездил в Европу, стал профессиональным литератором. В 1916 и 1917 лето проводил в Коктебеле у Макса Волошина. Помогал Горькому поддерживать начальную советскую литературу, летом 1922 с Ниной Берберовой уехал в Берлин, общался с Андреем Белым, жил в семье Горького. В 1925 Ходасевич с женой переехали в Париж, где он почти перестал писать стихи, стал ведущим критиком литературы русского зарубежья, дружил с Набоковым. Умер в 1939 в Париже после операции. Его последняя жена Ольга Борисовна, еврейка, погибла в Освенциме.
2. Иоганн Вольфганг фон Гёте (1749-1832) – поэт, писатель, драматург, основоположник немецкой литературы нового времени. Гёте был также неплохим художником и создал «Учение о красках», где описал влияние цвета на эмоции. Он писал трактаты по физике, акустике, астрономии... Основал науку морфологию, его труды по ботанике и зоологии считаются предвестниками работ Дарвина. Владел шестью языками, кроме виртуозного немецкого – французским, латынью, греческим, идишем, ивритом, английским. Увлекался оккультной философией, астрологией. Гёте родился во Франкфурте, около года учился в Лейпциге, затем переехал в университет Эрфурта, но большую часть жизни провел в Веймаре. В 1775 году по приглашению друга, 18-летнего великого герцога Карла-Августа, поселился в Веймаре, где занимался горным ведомством, театром, школами, был возведен в дворянство, посвящен в масоны в веймарской ложе «Амалия», сочинял для этой ложи гимны и речи. Всю жизнь работал над трагедией «Фауст», которое стало главным произведением Гёте, над которым он работал 60 лет своей жизни. Сохранит наиболее известный вариант легенды о докторе Фаусте. Такой человек действительно жил в Германии в первой половине 16 века. Сохранились свидетельства о встречах с ним в Эрфурте Муциана Руфа в 1513, Иоахима Камерария в 1536. Благодаря сложной прихотливости ритмов и мелодики, «Фауст» считается одной из вершин немецкой поэзии. Похоронен Гёте в Веймаре в герцогской усыпальнице рядом с прахом Шиллера.
3. «Фехтверк» – обычные для Европы каркасные дома. Вертикально, горизонтально, косо поставленные брусья, пространство между которыми заполнено камнем, кирпичом, глиной... Эти брусья укрепляют здание при недостатке камня, они же играют декоративную роль, элементы фахверка давно превратились в своеобразный европейский орнамент. Балки часто специально не штукатурят – наоборот, выделяют окраской.
4. «Дисциплинарный санаторий» – термин Эдуарда Лимонова.
5. «Готика» первоначально – период развития средневекового искусства, архитектуры в Западной, Центральной и Северной Европе примерно с 11 по 16 век. Готика пришла на смену романскому стилю, зародилось она во Франции. В начале 19 века термин «готический роман» стал обозначать литературу тайн и ужасов, потому что действие таких книг часто разворачивалось в

«готических» замках и монастырях. В 1980-х годах термин «готика» стал применяться для обозначения музыкального жанра «готик-рок», «готик-металл» и сформировавшейся вокруг них «готической» субкультуры

6. Эккерман Иоганн (1792-1854) – немецкий литератор, друг и литературный секретарь Гёте. Главная его работа – «Разговоры с Гёте в последние годы его жизни».
7. Версальский мирный договор – важнейший из серии мирных договоров, завершивших Первую мировую войну. Подписан в Версале 28 июня 1919 года. Договор предусматривал возвращение Франции Эльзаса и Лотарингии, создание Польского коридора, отторжение от Германии Данцига, ликвидацию германских колоний, независимость Австрии, огромные германские репарации странам-победительницам, возложение всей вины за мировую войну на Германию.
8. Морицбастай – бастион середины 16 века, времен Тридцатилетней войны, прозванный в честь тогдашнего Саксонского курфюрста Морица.